

Логинов Александр Викторович

МЕСТОИМЕННИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ИНТЕРРОГАТИВНОЙ СЕМАНТИКИ

В статье рассматривается реализация вопросительными местоимениями интеррогативного значения, в структуре которого наряду с семой "запрос информации" содержатся компоненты, определяющие характер запрашиваемой информации и намечающие контуры грамматической семантики ответа. Как лексико-грамматическое средство выражения интеррогативного значения местоименное слово выступает основным маркером интеррогативного высказывания и реализуется в коммуникативной ситуации неизвестности/известности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/1-2/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 110-114. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

8. Козлова Р. М. Структура праславянского слова (Праславянское слово в генетическом гнезде): монография. Гомель: ГГУ, 1997. 412 с.
9. Корнилович М. Народна родова ономастика на Волині наприкінці XVIII ст. і в 1-й пол. XIX ст. // Етнографічний вісник ВУАН. Львів: Друкарня Наукового товариства імені Т. Шевченка, 1930. Кн. 9. С. 127-131.
10. Кюршунцова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV-XVII вв. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2010. 672 с.
11. Никонов В. А. Имя и общество. М.: Наука, 1974. 278 с.
12. Редько Ю. К. Словник сучасних українських прізвищ. Львів: Простір-М, 2007. Т. 1: А-М. 720 с.; Т. 2: Н-Я. 718 с.
13. Редько Ю. К. Сучасні українські прізвища. К.: Наук. думка, 1966. 216 с.
14. Суперанская А. В., Сусллова А. В. О русских фамилиях. СПб.: Авалонь; Азбука-классика, 2008. 288 с.
15. Унбегаун Б.-О. Русские фамилии / общ. ред. Б. А. Успенского. М.: Прогресс, 1989. 443 с.
16. Федосюк Ю. А. Русские фамилии: популярный этимологический словарь. М.: Дет. лит., 1980. 239 с.
17. Худаш М. Л. З історії української антропонімії. К.: Наук. думка, 1977. 236 с.
18. Чучка П. П. Антропонімія Закарпаття. Ужгор: Папірус, 2008. 672 с.
19. Шульгач В. П. Нариси з праслов'янської антропонімії. К.: Довіра, 2008. Ч. 1. 413 с.
20. Mytnik I. Antroponimia Wołynia w XVI-XVIII wieku. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 2010. 412 S.
21. Szulowska W. Imiennictwo dawnej ziemi halickiej i lwowskiej. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 1992. 215 S.

STUDY HISTORY AND RESEARCH PERSPECTIVES OF MODERN SURNAMES

Lisova Larisa Aleksandrovna

Lesya Ukrainka East European National University, Ukraine

lisova88@ukr.net

In the article the main directions of the Ukrainian surnames researching are analyzed; the views of scientists studying onomastics on the history of surnames formation and specificity are considered. Scientists' achievements in the Ukrainian surnames researching are analyzed. The theoretical analysis of works on anthroponymy allowed defining a number of linguistic problems and scientists' different approaches to surnames researching.

Key words and phrases: surname; historic anthroponymy; word formation of surnames; lexicography; semantics of stems; etymology.

УДК 811.161.1

Филологические науки

В статье рассматривается реализация вопросительными местоимениями интеррогативного значения, в структуре которого наряду с собой «запрос информации» содержатся компоненты, определяющие характер запрашиваемой информации и намечающие контуры грамматической семантики ответа. Как лексико-грамматическое средство выражения интеррогативного значения местоименное слово выступает основным маркером интеррогативного высказывания и реализуется в коммуникативной ситуации неизвестности/известности.

Ключевые слова и фразы: местоименные слова; вопросительное местоимение; интеррогативная семантика; интеррогативное высказывание; вопросительная интонация.

Логинов Александр Викторович, к. филол. н., доцент
Мичуринский государственный аграрный университет
Loginov13av@mail.ru

МЕСТОИМЕННИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ИНТЕРРОГАТИВНОЙ СЕМАНТИКИ©

Проблема местоименных слов традиционно привлекает внимание исследователей, выявляющих все новые и новые аспекты осмысления данной части речи. Во многом это объясняется тем, что «системой местоимений охватываются самые общие понятия»; тем, что «по уровню абстракции эта система стоит над всеми другими классами слов: она осмысляет их устройство и их взаимные связи»; а также тем, что «это арсенал смысловых абстракций, заключенных в языке в целом» [18, с. 8].

Рассматривая некоторые из определений, данных в грамматике Холла и Зонненштейна, О. Есперсен отмечает: «Существительные называют. Местоимения отождествляют без названия. Я сомневаюсь, что *who* в предложении *Who killed Cock Robin?* – Кто убил Кока Робина? действительно что-нибудь отождествляет; оно скорее просит отождествить кого-то другого» [7, с. 63], – тем самым отказывая местоимениям в дейктивности.

А. М. Пешковский, продолжая традиции А. А. Шахматова, отрицает наличие вещественного значения у местоимений. «Обобщая все эти значения, – пишет он, – мы и получаем значение отношения говорящего и мыслящего к тому, о чем он говорит и мыслит, т.е. значение чисто грамматическое. Парадоксальность этих слов заключается, стало быть, в том, что у них совсем нет вещественного значения, а что у них и основное значение – формальное и добавочное – формальное» [10, с. 155].

Абстрактность, обобщенность местоименного значения тесно связаны с категорией неопределенности, поскольку «обнаруживая для слушателя наличие предмета, признака или обстоятельства (конкретизация которого говорящему может быть известна), говорящий тем не менее как бы «пренебрегает» подобной конкретизацией в своем высказывании, намечая наличие в предметах признака, обстоятельства, но не раскрывая их» [8, с. 20].

Однако основное свойство семантики неопределенности заключается в ее относительности и зависимости от «центра координат». В качестве подобного центра, например, в художественном тексте для вопросительного местоименного слова выступают и автор, и читатель, и персонаж. Одна и та же информация может быть определенной для одних субъектов и неопределенной для других.

Характеризуя систему местоимений как «арсенал смысловых абстракций, заключенных в языке в целом», Н. Ю. Шведова отводит им роль обобщающих понятий, получающих свою реализацию на различных уровнях языка и стоящих над всеми другими классами слов, так как эта система «осмысляет их устройство и их взаимные связи» [18, с. 8].

Не избежали этой «участи» и вопросительные местоименные слова, представляющие актуальное множество обобщенно, целостно, а не как состоящее из отдельных, равных друг другу элементов.

Вопросительные местоимения – класс слов, предполагающий наличие предмета или признака с некоторыми, неизвестными в определенной ситуации, свойствами и сигнализирующий, что адресант, не обладая возможностью идентифицировать или охарактеризовать искомое положение дел, просит адресата помочь ему в этом. Например:

– *По какому случаю тут? – спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу. – Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал?* [17, с. 25].

Отрывок из рассказа А. П. Чехова «Хамелеон» как нельзя лучше иллюстрирует семантическую и прагматическую емкость, присущую местоименному классу слов, опровергая положение об ущербности их семантики. Адресант совершенно спокойно обходится без использования в своих высказываниях предикативных форм, акцентируя внимание адресатов на сущностной стороне вопросов, цепочка которых «делает» коммуникативную ситуацию более динамичной. При этом грамматическая семантика местоимений способствует выделению той сферы знаний, в которой слушатель должен искать информацию для ответа.

Вопросительные местоимения интенциональны по своему характеру: они указывают, что актуальное множество формируется с опорой на признак, который позволит адресату идентифицировать искомый объект. Закрепленная за вопросительным местоимением (впрочем, как и любым другим словом в «вопросительной позиции») рематическая составляющая определяется наличием неизвестного компонента, который всегда воспринимается как новое. Именно поэтому в интеррогативном высказывании логическое ударение падает на вопросительное местоимение, вынуждая его выступать как характеризующее слово, что в принципе вообще не свойственно местоимениям.

По мнению Л. Ф. Бердник, вопросительное значение местоименных слов «заложено в самой форме и не обусловлено контекстом, поэтому оно обнаруживается в самом широком и разнообразном контексте; и в минимальном, и без него. Основное значение вопросительной формы не только функционирует в речи, но и входит в язык как систему» [3, с. 30].

При реализации местоимений в разных речевых ситуациях меняется лишь референция знака, а постоянное системное значение остается неизменным. Независимость значения вопросительных местоимений от контекста объясняется тем, что они «всегда запрашивают информацию о предмете или признаке, одновременно характеризуют их в соответствии с существующими в данном языке морфологическими категориями» [9, с. 48]. В отличие от полнозначительных частей речи, способных изменять свое значение под влиянием контекста, местоимения не подвержены подобным изменениям.

В структуре значения местоименных слов наряду с семой «запрос информации» содержатся компоненты, которые определяют характер запрашиваемой информации, как бы намечают контуры грамматической семантики ответа. Т.е. семантическая структура представляет собой фокус «совмещения двух составляющих: 1) частного категориального значения, отражающего денотативную основу данного местоименного ряда, и 2) разрядового значения» [14, с. 12]. Для вопросительных местоимений разрядовым значением является вопрос, а категориальный компонент определяет грамматическую семантику недостающего для завершения коммуникации ответа. Однако при оформлении вопросительного предложения как коммуникативной единицы, противопоставленной невопросительным синтаксическим конструкциям, категориальный компонент значения представляется несущественным. Важно лишь то, что в семантической структуре вопросительных местоимений содержится сема «запрос информации».

Функциональная нагрузка вопросительного местоимения реализуется в определенной коммуникативной ситуации – ситуации неизвестности/известности, предполагающей несколько компонентов: а) наличие в действительности факта, предмета, действия; б) наличие участников акта коммуникации; в) наличие/отсутствие информации о предмете речи у одного или всех участников общения; г) степень информированности коммуникантов о предмете речи; д) коммуникативное намерение общающихся, которое зависит от определенных объективных и субъективных причин [1, с. 26-27].

Значение неизвестности в той или иной мере присутствует во всех местоимениях, и функционально определяющими будут не столько семантическая составляющая и ее формальное выражение, сколько та реальная коммуникативно-прагматическая установка, в которой данный класс слов находит свое применение. Прав был А. А. Реформатский, писавший, что значение местоимений всецело определяется ситуацией

общения: «Местоимения – это слова-указания, они не значат, а указывают на значимое... слова ситуационные, т.е. их значение определяется знанием ситуации речи; если собеседник знает, кто говорит, кому говорит, где говорит и когда говорит (а также то, что было до этого разговора и в результате чего этот разговор возник), то он сможет реально понять предложение — Я тебе сейчас это говорю» [12, с. 59-60].

Для нас важной является точка зрения, что, при всем строгом распределении местоименных исходов, «они связаны друг с другом, во-первых, возможными дотекстовыми и внутритекстовыми смысловыми контаминациями, во-вторых, обращенностью к единому и общему началу – к тексту, высказыванию, где отношения как между самими исходами, так и между их расчленениями оказываются весьма сложными» [18, с. 11].

Об этом наглядно и недвусмысленно свидетельствуют факты функционирования одного и того же местоимения в разных коммуникативных типах русского высказывания:

1) – *Хорошо ты придумал, Павлуша! – говорила она. – Хохол очень милый! И барышня, – ах, какая умница! Кто такая?*

– *Учительница!* – кратко ответил Павел, расхаживая по комнате [5, с. 69].

2) *Однажды вечером в кухню, когда там Пелагея и нянька что-то усердно крошили, вошла мамаша и сказала:*

– *Выходить за него ты, конечно, можешь, твое это дело, но, Пелагея, знай, что он не может здесь жить... Ты знаешь, я не люблю, если кто в кухне сидит* [17, с. 39].

Реализация вопросительного значения **кто** в первом примере («Мать») создается ситуациями, с одной стороны, неизвестности о предмете запроса для адресанта и желанием узнать об этом предмете и, с другой стороны, предполагаемой известности и возможности устранить этот информационный «провал» для адресата. Возникает два типа соотношений: знание – незнание, желание знать – возможность ответить, где репрезентатором первого члена ряда выступает адресант, а второго – адресат. Только учитывая соотношение этих составляющих, можно с достаточной степенью уверенности говорить о реализации вопросительного значения местоимения.

Во втором случае («Кухарка женится») местоимение **кто** теряет свою вопросительность и приобретает определительность (вернее – неопределенность, неконкретность в сочетании с обобщенностью), т.к. и для адресанта, и для адресата вполне понятно, что за ним скрывается любой человек, не входящий в круг прислуги. Иными словами, не возникает того соотношения членов ряда, которое мы наблюдали в первом случае. Схема в этом случае будет выглядеть следующим образом: знание – незнание, отсутствие желания знать – отсутствие возможности ответить. Или:

Часто теперь я спрашиваю себя: когда я был лучше и правее – тогда ли, когда верил во всемогущество ума человеческого, или теперь, когда, потеряв силу развития, сомневаюсь в силе и значении ума человеческого? – и не могу себе дать положительного ответа [15, т. 1, с. 238].

В высказывании столкнулись два концептуальных значения одной лексемы: вопросительное и невопросительное (ближе к определительному). Первая форма **когда** предполагает запрос определенной информации, пусть даже обращенный к самому себе (внутренняя речь), что подчеркивается синтаксической моделью – сложным предложением, представляющим собой конструкцию с несобственно-прямой речью, во вводящей части которой доминантную роль играет предикат, представленный глаголом с семантикой запроса информации – спрашиваю.

Вторая форма выступает как соотносительное местоименное наречие, реализующее только обобщенное значение неопределенности. Об утрате вопросительности в этом случае свидетельствует и факт выполнения словом **когда** связующей функции между предикативными частями.

В таких случаях вопросительные местоимения функционируют как особый подкласс: как вопросительно-относительные слова, употребляющиеся в составе предикативных предложений косвенного вопроса.

Значение вопросительных местоимений [13] в силу характера их сопоставимости с различными частями речи достаточно многообразно и может указывать на:

1. Неопределенное или точно не называемое лицо, живое существо либо такое, о котором требуется или предоставляется информация: **кто** (указывает на лицо или живое существо):

– *Кто первый сказал об этом? – догнав, спросил его Обломов.*

– *Катя сказала Семену, Семен Никите, – шептал Захар, – Никита Василисе* [4, с. 265]....

2. Незвестное, отрицаемое лицо: **кто** (в риторическом вопросе это уже не вопросительное местоимение, а определительное, обозначает отрицательную оценку, а также вообще отрицание):

А Павел, выбросив из груди слово, в которое он привык вкладывать глубокий и важный смысл, почувствовал, что горло ему сжала спазма боевой радости; охватило желание бросить людям свое сердце, зажженное огнем мечты о правде...

– *Мы всегда и везде – первые в работе и на последнем месте в жизни. Кто заботиться о нас? Кто хочет нам добра? Кто считает нас людьми? Никто* [5, с. 97]!

«Отрицательность» **кто** подкрепляется присутствием в тексте имплицитной формы отрицательного местоимения **никто**, что свидетельствует о недвусмысленном характере всей коммуникативной единицы (в нашем случае – выступление Павла Власова на митинге перед рабочими по поводу «болотной копейки»).

3. Неопределенный или точно не называемый предмет, либо такой, о котором требуется или предоставляется информация: **что** (указывает на предмет, явление, ситуацию):

Но Андрей взял с полки книгу и, указывая концом ножа на букву на обложке, спросил:

– *Это что?*

– *Рцы!* – смеясь ответила она [Там же, с. 124].

4. Неопределенный, неизвестный, точно не называемый признак, либо такой, о котором требуется или предоставляется информация: **чей** (указывает на принадлежность, присущность кому-нибудь):

Укутанная баба, вся засыпанная снегом, не шевелясь, сидела, нахохлившись, в задке саней.

– *Чьи будете?* – закричал Василий Андреич.

– *А-а-а... ские!* – только слышно было [15, т. 11, с. 231].

5. Признак, о котором требуется или предоставляется информация: **каков, какой, который, чей**:

Анютка (вбегают; к Никите шепотом). Микита, иди скорей, тябя человек один спрашивает одноа дыхнуть. Никита. Какой человек?

Анютка. Маринка с чугунок. За углом стоит [Там же, т. 12, с. 34].

6. Признак количественный: известный, неопределенный, такой, о котором требуется или предоставляется информация, неизвестный либо оцениваемый: **сколькo**:

– *А вы сколькo в день выручаете, Данило Семеныч?*

– *Какой день. В иной день на зелененькую выездишь, а в другой раз так и без гроша ко двору поедешь* [17, с. 37].

7. Признак по времени, пределу во времени: **доколе, доколь, докуда, когда**:

Они медленно пошли плечо в плечо в кухню и, не глядя друг на друга, перекидывались краткими словами.

– *Ну, прощай!*

– *Прощай. Когда расчет берешь?..*

– *Взял* [5, с. 128].

8. Признак по месту, исхождению, направлению, пределу в пространстве: **где, доколе, доколь, докуда, докудова, куда, куды** (прост.), **отколе, отколь, откуда, откудова**:

– *Где же человек?* – приставал Обломов.

– *Домой пошел, – едва отвечала она, взглядываясь в здания противоположного берега* [4, с. 270].

9. Признак причины, цели, условия, следствия, связи: **зачем, куда, отчего, почему, чего** (+ что), **что** (= почему):

– *Слышишь, Захар? Зачем ты позволяешь себе не только думать, даже говорить?..*

– *Позвольте, Илья Ильич, я лучше Анисью позову... – отвечал Захар и шагнул было к двери* [Там же, с. 263].

10. Признак по способу и характеру, образу действия, на обстоятельство, ситуацию, состояние: **как, каково, что**:

– *Как ты это одна попала сюда?* – твердил тревожно Обломов.

– *Сказать, как?* – лукаво дразнила одна, когда они выехали на середину реки [Там же, с. 270].

11. Признак по мере и степени, количеству, а также на интенсивность проявления признака, его оценку: **как, насколько, почему, сколь** (= насколько), **сколькo**:

Захар принес Обломову письмо с городской почты.

– *От Ильинской барышни, – сказал Захар.*

– *Ты почем знаешь?* – сердито спросил Обломов. – *Врешь!*

– *На даче все такие письма от нее носили, – твердил свое Захар* [Там же, с. 267].

Как лексико-грамматическое средство выражения интеррогативного значения вопросительное местоименное слово является основным маркером интеррогативного высказывания, точнее, коммуникативного типа, определяющего его информативное содержание. Поэтому считается, что в местоименном вопросительном предложении интонация выполняет «сопроводительную функцию, потому что вопросительный смысл понятен и без нее» [2, с. 28].

Интонация таких предложений приближается к повествовательной, хотя и отличается от нее. Нисходящая интонация интеррогативного высказывания «начинается таким высоким тоном, какого не может быть при повествовании, почему понижение сказывается здесь гораздо резче» [11, с. 34].

Сказанное верно для тех случаев, когда вопросительное слово находится в начале предложения и является его интонационным центром:

Обломов встрепенулся.

– *Что же мне делать? Научите, ради бога!* – спросил он.

– *То же, что и другие делают: ехать за границу* [4, с. 67].

При перемещении местоименных элементов в другую синтаксическую позицию роль интонации возрастает по причине ослабления или даже исчезновения интеррогативного значения местоимений:

Наполняя маленькую кухню хрипыми звуками, он медленно стаскивал тяжелое пальто и, не оглядываясь, говорил:

– *...Недурно? Животик-то у меня каков?* [5, с. 112].

Усиливается значимость интонации и тогда, когда подобные конструкции являются вопросительными лишь по форме, в случае так называемых риторических вопросов. При этом интонация принимает повествовательно-восклицательный характер:

– *Какое вы имеете право кричать?* – сказал я, чувствуя, что он меня оскорбляет, и начинал сам сердиться [15, т. 1, с. 261].

(Ср.: *Вы не имеете права кричать!*)

Н. Ю. Шведова отмечает, что «функции местоименных исходов строго распределены, однако они связаны друг с другом, во-первых, возможными дотекстовыми и внутритекстовыми смысловыми контаминациями,

во-вторых, обращенностью к единому и общему началу – к тексту, высказыванию, где отношения как между самими исходами, так и между их расчленениями оказываются весьма сложными» [18, с. 11].

Это означает, что в зависимости от коммуникативной ситуации вопросительную окраску могут приобретать местоимения других семантических разрядов. Показательно в этом отношении употребление личных местоимений. Как правило, их интеррогативная семантика проявляется во встречных вопросах или пере-спросах, которые уже сами по себе лежат на периферии синтаксического поля интеррогативности и не претендуют на выражение собственно вопросительного значения:

1-е лицо:

– *Что ты надумал?* – спросила мать, снова охваченная сомнением.

– **Я?** – Рыбин взглянул на нее, помолчал и повторил: – *От господ надо дальше. Вот* [5, с. 127].

2-е лицо:

– *А вы занимаетесь химией? Это моя страсть. Я даже сама выдумала одну мастику.*

– *Мастику? **Вы?***

– *Да, я* [16, с. 64]...

3-е лицо:

– *Что значат ваши пятьдесят три года! Пятьдесят лет не конец, а половина жизни. Вы красивый мужчина, и сами это знаете. Вы знаете тоже, как она вас уважает. Умри я, что с ней будет? А за вами она спокойна, и я спокойна...*

– *Но... она? Вы ей говорили?*

– *О ней не беспокойтесь, да и нечего вам любопытствовать* [6, с. 71].

Т.о., вопросительное местоименное слово является сильным показателем интеррогативного значения коммуникативного пространства. Охватывая самые общие понятия, приближаясь к наивысшей точке степени абстракции, вопросительные местоимения как нельзя лучше приспособлены в языке к запросу о любом явлении действительности, положении дел. Выступая типичными представителями категории неопределенности и неизвестности, они позволяют снять эту неопределенность и обозначить неизвестное как вполне осознаваемое.

Вопросительное местоимение – самый сильный компонент структуры предложения. Независимо от выполняемой функции оно всегда несет на себе логическое ударение и находится в центре внимания адресанта и адресата, что вполне объяснимо прагматическими задачами высказывания.

Список литературы

1. **Акимова О. Б.** Семантика неизвестности и средства ее выражения в русском языке. М.: МПУ, 1999. 169 с.
2. **Бердник Л. Ф.** К вопросу о классификации вопросительных предложений // Бердник О. Б. Язык, смысл, текст. Донецк, 1994. С. 26-35.
3. **Бердник Л. Ф.** Коммуникативные типы русских предложений. Пермь, 1982. 79 с.
4. **Гончаров И. А.** Обломов. М.: ГУПИ, 1957. 439 с.
5. **Горький А. М.** Избранное. М.: Правда, 1977. 447 с.
6. **Достоевский Ф. М.** Бесы // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15-ти т. Л.: Наука, 1990. Т. 7. 673 с.
7. **Есперсен О.** Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958. 408 с.
8. **Ильенко С. Г.** Сложное предложение в современном русском языке. Л.: ЛГПИ, 1976. 32 с.
9. **Петрова О. В.** Местоимения в системе функционально-семантических классов. Воронеж, 1989. 158 с.
10. **Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.
11. **Распопов И. П.** Вопросительные предложения // Русский язык в школе. 1958. № 1. С. 34-37.
12. **Реформатский А. А.** Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1987. 262 с.
13. **Русский семантический словарь** / авт.-сост. Н. Ю. Шведова и др.; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник; ИРЯ РАН, 1998. Т. 1. 800 с.
14. **Сидоренко Е. И.** Очерки по теории местоимений современного русского языка. Киев – Одесса: Лыбидь, 1990. 148 с.
15. **Толстой Л. Н.** Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Правда, 1987.
16. **Тургенев И. С.** Отцы и дети. Л.: Детская литература, 1965. 240 с.
17. **Чехов А. П.** Рассказы. М.: Художественная литература, 1976. 368 с.
18. **Шведова Н. Ю.** Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.

PRONOUNS AS INTERROGATIVE SEMANTICS EXPRESSION MEANS

Loginov Aleksandr Viktorovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Michurinsk State Agrarian University
Loginov13av@mail.ru

In the article interrogative meaning realization by interrogative pronouns is considered, in which structure along with the seme-
-information inquiry” there are components determining inquired information character and planning the outline of answer
grammatical semantics. As a lexical-grammatical means of interrogative meaning expression the pronominal word acts as the basic
marker of interrogative utterance and is realized in the communicative situation of uncertainty/certainty.

Key words and phrases: pronominal words; interrogative pronoun; interrogative semantics; interrogative utterance; interrogative intonation.